
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сыромля Наталья Николаевна
кандидат филологических наук
доцент
Киевский национальный университет
технологий и дизайна
Украина, г.Киев
e-mail:siromlya.nata@gmail.com

SyromlyaNataliiaNikolajevna
Associate professor, PhD
Kiev National University of
technologies and design
Ukraine, Kiev
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

Н. Н. Сыромля
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ СИМВОЛА
«ОГОНЬ» В ПОЭЗИИ А. БЛОКА**

Аннотация. В статье анализируется лингвокультурологическое наполнение символа-первоэлемента «Огонь» в поэзии А.Блока: определены механизмы, позволяющие, с одной стороны, эксплицировать традиционные и, с другой стороны, породить авторские символические значения стихии – взаимодействие мифологем и архетипов, выявленных в ближайшем окружении лексемы-экспликатора символа.

Ключевые слова: лингвокультурология, символ, русский символизм, А.Блок, стихия Огонь.

N. N. Syromlya
**LINGUISTIC ANALYSIS OF THE SYMBOL «FIRE» IN
A.BLOK'S POETRY**

Abstract. The article deals with the analysis of symbolic meanings of one of the most important elements - Fire in the lyrics of A.Blok. Linguocultural potential of the symbol is studied, linguistic mechanisms which help to express both traditional meanings of the symbol and new authors' ones are defined. Mythologems and archetypes are analysed as a part of a symbol's structure.

Key words: linguoculturology, symbol, Russian symbolism, A.Blok, the element Fire.

В рамках антропоцентризма принято разграничивать научную – донаучную («наивную») – фольклорную (мифологическую) – языковую, концептуальную картины мира [4, с. 9]. Согласно нашим исследованиям в основе символа лежит концепт, взаимодействующий

с мифологемой и архетипом.

Многоплановость толкований символа «Огонь» в лирике А. Блока обусловлена особенностью его поэтики, которую исследователи называют одним из важнейших открытий символизма – поэтикой сочетаний вещного, конкретно-бытового с бесконечным, «звездным» [5, с. 169]. Языковым аналогом или вариантом воплощения этого принципа является экспликация прямых, переносных, ассоциативно обусловленных и образных значений лексемы, взаимодействие и столкновение которых способствует авторскому наполнению лингвистического символа.

Проанализируем лингвокультурологическое наполнение символа Огонь в поэтических текстах А. Блока, которое дополнит наши представления о человеке как носителе стихий.

Лингвистический символ «Огонь» имеет полевую структуру, в которой выделяем ядро и периферию. В нашем исследовании к ядру относим концепт «огонь», в рамках которого анализируем словарные значения лексемы и ее дериватов, его ассоциативно-образный уровень; периферию составляют экспликации взаимодействия концепта с мифологемами и архетипами.

Остановимся подробнее на структурных элементах лингвистического символа «Огонь» в символистском поэтическом дискурсе А. Блока.

Мифологический слой периферии лингвистического символа «Огонь» в лирике А. Блока актуализирован мифологемами *бог, душа, Иван Купала, Купина, столп*.

Бог в первоначальном значении – удача, доля, счастье, а также «светить», «сиять» [9, с. 177]. По М. М. Маковскому, слова со значением «бог, божество» могут соотноситься с понятиями числа, середины, судьбы, Мирового Разума, со значениями «словом» и «говорить», звуком. В строфе «*Мы все простим и не нарушим Покоя девственниц весны, Огонь божественный потушим, Прогоним ласковые сны*» [2, т.1, с. 172] мифологема *бог* соотносится с сакральным животворящим (фаллическим) началом как первоисточником вселенского творения [7, с. 46–49].

У А. Блока мифологема *душа* выявлена в периферии лингвистического символа «Огонь» в строке: «*Ты, душа, порожденье огня, В наступающем мраке воскресни*» [2, т.1, с. 470], что выражает идею «родства» души и огня. Подтверждением такому толкованию служат результаты исследования М. М. Маковского: «значение «душа» часто соотносится со значением «огонь, божественный огонь»: типологически ср. русск. *дух*, но и и.-е. *dheg* – «гореть». [7, с. 145]. Взаимодействие мифологемы *душа* и концепта «огонь», таким образом, способствует актуализации значений **жизни** и **смерти**, **метаморфозы** (душа ассоциируется с воскресающей из пепла птицей Феникс), **связи невидимого мира** (душа) и **видимого** (стихия огня).

Третья мифологема славянского происхождения *Иван Купала* в строках: «*Ты будешь за травю темной Искать купальские огни*» [2, т.2, с. 96] эксплицирует идею **очищения**, **взаимодействия стихий огня и воды**; огонь купальских костров называли «святым», «живым», ему придавался охранительный и очистительный смысл, все сжигаемое в таком костре символизировало уничтожаемое зло [Славянские древности т.2, с. 366–367]. Название праздника и обряды указывают на связь с огнем и водой, которые в купальских мифах выступают как брат и сестра [9, с. 29].

М. И. Костомаров пишет, что Купало – одна из номинаций божества и значит совокупляющий, как Ярило – возбуждающий к любви: «Купало (или Иван) купался, накупался, да упал в воду», что означает брак солнца с водою, из которого образовалась полная жизнь и любовь в творении [6, с. 246]. Следовательно, данная мифологема также восстанавливает значение **любви** в лингвистическом символе «Огонь» и **творчества** при взаимодействии стихий.

Мифологема *Купина* является в авторской интерпретации именем собственным, в мифологических словарях неопалимая купина – «куст, не сжигаемый огнем ... в котором бог Яхве явился Моисею» [10, с. 210]. В контексте данная мифологема соотносит стихию огня со **страданием** (терновый венец) и **божественной энергией**, которая очищает и просветляет (белый цвет пламени – символ чистоты): «*Терны венчают смиренных и мудрых Белым огнем Купины*» [2, т.1, с.

60].

Мифологема *огнистый столп*, в свою очередь, восстанавливает библейскую ситуацию исхода евреев из Египта, когда Бог в виде огненного столпа указал им путь: «*Передо мною шел огнистый столп*» [2, т.1, с. 155]. Обращение к данной мифологеме актуализирует «визионерски-апокалиптический аспект» «небесного огня» и интегрируется в световую символику [12, с. 276].

Проанализировав значения библейских мифологем *Купина* и *огнистый столп*, считаем, что в лирике А. Блока стихия огня наделяется свойствами, призванными показать человеку в материально выраженной, видимой форме присутствие в мире божественных сил и их воли. Таким образом, лингвистический символ «Огонь» актуализирует значение **субститут Бога на земле, очищающая сила.**

Прокомментированные выше мифологемы позволяют выделить следующие архетипические противопоставления, относящиеся к периферии лингвистического символа «Огонь» в лирике А. Блока:

1) **огонь – влага** (экспликация семы «влага») – «*Расступалось огненное море*» [2, т.1, с. 137]; 2) **жизнь – смерть**: «*Вещают жизни строй и вечности огни*» [2, т.1, с. 110], «*Из-за могил и склепов, где огни*» [2, т.2, с. 299] – экспликация семы «смерть»; 3) **день – ночь**: «*В белый день забываю огни, По ночам забываю дни*» [2, т.3, с. 69]. Анализ контекстов, содержащих данный архетип, показывает создание авторской оппозиции, каждый член которой наделяется символическим смыслом: день – «дела суеты», ночь/вечер – время творчества, вдохновения, «огней»; 4) **небо – земля**: «*Пустыней неба огневой*» [2, т.3, с. 60–61], «*В этом огненном смерче обняла она крепче Пыльно-грязной земли раскаленную печь*» [2, т.2, с. 168]; 5) **светлый – темный**: «*И падают светлые мысли, Сожженные темным огнем*» [2, т.3, с. 252], разновидность архетипа – противопоставление **белый – черный**: «*За море Черное, за море Белое В черные ночи и в белые дни Дико глядится лицо онемелое Очи татарские мечут огни*» [2, т.3, с. 259]; 6) **весна – зима**: «*Иду за огненной весной*» [2, т.2, с. 115], «*огонь зимы палаящей*» [2, т.2, с. 226]; 7) **верх – низ**: «*Мои огни горят на высях*»

зор» [2, т.1, с. 68] – наблюдается отсутствие экспликации второго члена оппозиции, что свидетельствует о соотнесенности стихии огня с идеей вертикали, направленной вверх.

При анализе архетипического слоя выявлены переосмысления бинарных оппозиций:

1) **мужской – женский** (экспликация сем): «*ваши девы слепы, У юношей безогнен взор*» [2, т.2, с. 169]: наблюдается отсутствие значения традиционной «положительности» первого члена оппозиции; соотнесение женского начала со стихией огня (традиционно активного мужского начала) наблюдаем в строках: «*Я знаю женщину. В ее душе Был сноп огня*» [2, т.2, с. 334]. Мифологема *душа* реализует в контексте значение вместилища свойств стихии огня и обуславливает переосмысление архетипа.

Кроме того, нами выявлено переосмысление традиционно отрицательного второго члена оппозиции: четко прочитывается смещение по шкале «благоприятное – неблагоприятное» в сторону «положительных» коннотаций: «*Кто ты, Женственное Имя В нимбе красного огня...*» [2, т.2, с. 48], «*Крести крещеньем огневым, О, милая моя!*» [2, т.2, с. 273];

2) **старший – младший** (экспликация сем): «*За окном, как тогда, огоньки, Милый друг, мы с тобой старики*» [2, т.3, с. 282], «*И для меня, слепого, где-то блещет Святой огонь и младости восход*» [2, т.1, с. 18], «Сказочник добрый и старый Тихо сидел у огня» [2, т.3, с. 288], «*Молодое – Оно прошло, - я не найду В твоём усталом, но зовущем, Ненужном призраке – огня*» [2, т.1, с. 72]. Контекстуальная экспликация архетипического противопоставления позволяет интерпретировать второй член оппозиции «младший» как положительный, «молодое» соотносится с огнем наравне со «стариком».

Таким образом, периферия лингвистического символа «Огонь» в поэзии А. Блока представлена пятью мифологемами, три из которых – славянского происхождения, и десятью архетипическими оппозициями, среди которых две подвержены авторскому переосмыслению.

Ядро символа представлено концептом «огонь», включающим ассоциативный и образный слои.

Авторские ассоциативные связи, эксплицированные атрибутивными конструкциями с лексемой *огонь*[8], реализуют семантику: **анимитичность**: *живой, верный, одинокий, умерший*; **исключительность**: *небывалый, неведомый, невозможный*; **свет/отсутствие света**: *неугасимый, светлый, темный*; **сакральность**: *божественный, потаенный, святой*; **мифомир славянской мифологии**: *блудящий, купальский*; **природные явления**: *снеговой, снежный, холодный*; **чувства и эмоции**: *сердечный, страшный*; **антропоморфность**: *смуглый*; **атрибут православной службы**: *кадильный*; **взаимодействие стихий** (огонь, вода, земля): *болотный, прибрежный*; **временные характеристики**: *старый, вечерний*; **расположение в пространстве**: *попутный*; **амбивалентность (созидающая сила, разрушающая сила)**: *мирный, злоеущий*; **восприятие**: *докучный*; **категория веса**: *тяжелый*; **цвет**: *белый, зеленый, золотой, красный, синий, желтый* (отмечая особенности авторской орфографии, оговорим, что в понятие «желтый» А. Блок вкладывал особый идейно-психологический смысл, это «как синоним душевной сытости, мещанского самодовольства, всяческого хамства... в отличие от слова «жёлтый» служившего просто обозначением цвета» [2, т.1, с. 567]).

Перейдем к анализу образного уровня лингвистического символа, выраженного переносными значениями лексемы *огонь*.

С. Б. Бураго пишет, что «огонь», «горение» «в поэтическом словоупотреблении Блока – символы душевного движения лирического героя» [3, с. 20], что соотносимо с традиционными значениями символа «Огонь».

Соотнесенность стихии огня с **глазами**, выявленная нами на уровне ассоциаций, подтверждается и образными значениями, создаваемыми в пределах словосочетаний и предложений: «*И глаза под навесом бровей Огоньками болотными дремлют*» [2, т.2, с. 32].

В ходе анализа нами выявлены два случая экспликации переносного значения лексемы *огонь* в форме множественного числа,

что не фиксируется толковыми словарями и является отклонением от нормы: значения **чувства, переживания** - «Я сам в себе с избытком заключаю Все те огни, какими ты горишь» [2, т.1, с. 88] и **глаза** - «Огни зловещие мигали, И взор описывал дугу» [2, т.1, с. 227].

Именная парадигма образа способствует выражению в лирике А. Блока символических значений стихии огня: **воспоминание**: «И в темной памяти не трогай Иного – страшного – огня» [2, т.2, с. 245], **душа**: «Ты, душа, порожденье огня» [2, т.1, с. 470], **закат**: «На закате поднимался занавес вечерний, Открывалось действие огня» (2, т.2, с. 43).

Глагольная парадигма образа представлена реализацией 1) позиции агенса: **свет** - *блестеть, гореть, теплиться, погаснуть, потухнуть*; **анимо-аниматичность** – *глянуть, умереть*; **тепло** – *согреть*; **покров** – *окутать*; **разрушение** – *сжечь*; **цветок** – *зацвести*; **внутренний мир человека** - (в себе) *заключать*; 2) позиции пациенса: **чувства, переживания** - *беречь, догорать, дышать, жить, отстраняться, пламенеть, погаснуть, развести, трогать, хранить*; **вдохновение** - *гореть, забывать, зажигать*; **атрибут мифомира христианства, божественных существей** – *потушить, слететь (в огне)*; **источник жара** - *истлевать*; **глаза** – *метать*; **знак** – *искать (огней попутных)*; **пророческий дар** – *верить*.

Местоименные сочетания актуализируют образные значения: **жизнь** – «Потом сомкнулась полынья – Его огонь погас» [2, т.1, с. 209], **символистское окружение** – «Из стран чужих, из стран далеких В наш огонь вступивши снеговой, В кругу безумных, томнооких Ты золотую встал главой» [2, т.3, с. 141].

В образе лирического героя А. Блока, по мнению Л. А. Колобаевой, выражается такое состояние человека, когда он в свой редкий час предчувствий становится способным пережить опыт видений, внутренним взором увидеть то, что не видят другие [5, с. 159]. Подобные переживания описываются в лирике поэта с помощью лексемы *огонь*, наполняя символику стихии соотнесенностью с **поэтическим даром**: «мои потаенные, мои золотые огни» [2, т.1, с. 96], «Мои огни горят на высях гор – Всю область ночи озарили» [2,

т.1, с. 68], даром предвидения: «Кто запер свободных и сильных в тюрьму, Кто долго не верил огню моему» [2, т.2, с. 102].

Грамматические модели номинативной сочетаемости слова *огонь* образуют группы с семантикой: $N_{N1}N_{N2}$ – **созидающая сила**: порождение огня, действие огня; **время года**: огонь зимы; **взаимодействие стихий**: вихрь огня; **чувства и воображение**: огонь желанья, огни любви, игра огня, сноп огня; **защита и нападение**: жала огня; **оружие**: метанье огня; **свет**: закат из огня; **страсть**: огонь вожделений; **свет**: огонь лампад; $N_{N1}N_{N5}$ – **воображение**: огонь мечтой; **глаза**: глаза огоньками; $N_{N1}N_{N6}$ – **визионерское переживание**: горизонт в огне; **чувства**: губы в огне; $N_{N2}N_{N1}$ – **бессмертие**: из огня душа; **визионерское переживание**: молний огни; **поэзия**: рифм огоньки; **бессмертие**: вечности огни; $N_{N2}N_{N5}$ – **поэзия**: поэзии огнем; $N_{N5}N_{N1}$ – **смерть**: над топью огонь; $N_{N5}N_{N2}$ – **воображение**: огнем мечты; **глаза**: огнем глаз; **праздник**: огнем новоселий; **мифотворчество славянской мифологии**: огнем Купины; **чувства**: огнями любви; $N_{N6}N_{N1}$ – **взаимодействие стихий (о чувствах)**: в земле огонь; $N_{N6}N_{N2}$ – **ментальный мир человека**: в памяти огня, в предвестии огня, в огне зари.

Наиболее продуктивна модель $N_{N1}N_{N2}$ (9 значений, 13 объективаций), активно реализована связь стихии огня с **чувствами, глазами, поэзией, воображением**.

Развернутые метафорические описания выражают соотнесенность огня с **христианскими религиозными традициями**: «Огонечки теплятся, Прохожие крестятся, И пахнет весной. Ветерок удаленький, Дождик, дождик маленький, Не задуй огня» [СС8–2, с. 95], **солнечным светом**: «Разметались в тучах пятна, Заломились руки Дня. Бездыханный, необъятный Истлевет без огня» [2, т.2, с. 60].

Например, в следующих строках возможна интерпретация символа «Огонь» как **поэтического творчества**: «Стою на царственном пути. Глухая ночь, кругом огни, – Неясно теплятся они, А к утру надо все найти» [2, т.1, с. 118], **внутреннего мира человека**: «Я сам в себе с избытком заключаю Все те огни, какими ты горшишь»

[2, т.1, с. 88], **надежды**: «Напрасный миг, проплывший мимо... Огонь зеленый на заре» [2, т.3, с. 180], **страсти**: «Опять – бессильно и напрасно – Ты отстранялась от огня ... Но даже небо было страстно, И небо было за меня» [2, т.2, с. 293], **женской ипостаси божественного проявления**: «Закатная, Таинственная Дева, И завтра и вчера огнем соедини» [СС8–1, с. 110], **силы духа**: «Все, духом сильные, – одни Толпы нестройной убегают, Одни на холмах жгут огни, Завесы мрака разрывают» [2, т.1, с. 50].

Синтаксические средства репрезентации символических значений стихии огня представлены использованием:

– параллельных синтаксических конструкций, эксплицированных согласованными определениями, которые подчеркивают устойчивость в поэзии А. Блока соотнесения стихии огня с **глазами**: «Неповторяемого взгляда, Неугасимого огня» [2, т.2, с. 338]. Использование отрицательных аффиксов, по наблюдениям И. В. Арнольд, связано с коннотациями экспрессивности, основанной на образности, такое отрицание показывает исключительность выделяемого качества [1, с. 119];

– однородных двусоставных простых предложений, актуализирующих связь символа «Огонь» с **сердцем как средоточием чувств, переживаний**: «Сердце сжалось, Огонь погас...» [2, т.1, с. 40];

– анафорического повтора слов или фраз, способствующих созданию символических значений стихии огня как **жизни**: «Иною жизнью жива, Иным огнем ярка» [2, т.1, с. 131], «Мало ли счастья в житийском просторе? Мало ли жару в сердечном огне?» [2, т.1, с. 7]; **весны**: «Я вся – весна! Я вся – в огне!» [2, т.2, с. 284]; **чувств и эмоций**: «И в каждом – метанье огня, И в каждом – печаль облаков» [2, т.2, с. 104]; как **источника внутреннего света**: «Самый огонь – слепые очи Не сожжет мечтой былой. Самый день – темнее ночи Усыпленному душой» [2, т.1, с. 86].

В роли субъекта сопоставления «огонь» сравнивается с игральными картами – **артефактом**: «Вон, точно карты, полукругом Расходятся огни» [2, т.3, с. 203]; в позиции объекта сопоставления

наблюдается соотнесение с **лирическим героем и Прекрасной Дамой**: «*Так блудящими огнями Поздней ночью, за рекой, Над печальными лугами Мы встречаемся с Тобой*» [2, т.1, с. 99] и **пьянящим напитком-артефактом**: «*А вино уж мутит мои взоры И по жилам огнем разлилось*» [2, т.1, с. 108]; **поэтом**: «*Духом ясный пред божьим лицом, Догорай, покидая лампаду, Одиноким и верным огнем*» [2, т.1, с. 64], **глазами**: «*И глаза под навесом бровей Огоньками болотными дремлют*» [2, т.2, с. 32], **палачом**: «*Перехожу от казни к казни широкой полосой огня*» [2, т.2, с. 274], **городом**: «*Весь город – яркий сноп огня*» [2, т.2, с. 273].

Анализ ядра лингвистического символа «Огонь» в текстах А. Блока показал преобладание переносных значений лексемы над прямыми. Отметим, что обращение к анализу все более широкого контекста, окружающего слово-экспликатор символа, способствует наращиванию смыслов и многозначности символа.

Таким образом, лингвистический символ «Огонь» в лирике А. Блока, относимой к периоду расцвета символизма, реализует:

– традиционные значения: живая, активная, амбивалентная, подвижная стихия, субститут Бога на земле, символ страсти, любви, сильных чувств и желаний человека, соотносится с глазами и сердцем, душой, светом, солнцем, творчеством и переменами, вдохновением, взаимодействует со стихиями воды, воздуха и земли, обладает магическими свойствами;

– авторскую символику: связь с ментальным миром человека, его духовными поисками, поэзией, символистским миропониманием, визионерскими переживаниями символистов, женским началом, бессмертием.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8-ми т. Под общ.ред. В.Н.Орлова и др.

- М.–Л., Гос. изд-во художественной литературы, 1960.
3. Бурого С. Б. Собрание сочинений. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2005. – Т.1. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. – 368 с.
  4. Иванова Л. П. Пособие по спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте»: (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») / Л. П. Иванова. – К., 2000.– 54 с.
  5. Колобаева Л. А. Русский символизм. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 296 с.
  6. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія / Упоряд, приміт. І.П.Бетко, А.М.Полотай. – К.: Либідь, 1994. – 384 с.
  7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
  8. Меншиков І. І. Поетичне слово Пушкіна: Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / Мордань В. І., Підмогільна Н. В. – Дніпропетровськ: Січ, 1999. – 325 с.
  9. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т./ Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997, – Т.1: А–К. – 671с.
  10. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т./ Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т.2: К–Я. – 719 с.
  11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. РАН. – 1995-2012. – М.
  12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю.Некрасова – СПб, «Академический проект», 2003. – 816 с.